

ідэям арганізацыі літаратурнага навучання. Пытанні да твораў размешчаны ў пэўнай сістэме: спачатку накіраваныя на праверку першаасаблівасцяў тэкста, у заключэнне – на абагульненне і самастойную працу вучняў. Н. Панасюк паслядоўна прытрымліваецца прыцыпу ўнутрыпрадметных сувязяў (заданні, якія патрабуюць аднаўлення ў памяці прачытаных у папярэдніх класах твораў Я. Купалы, Я. Коласа, вершаў пра родную мову і г.д.) і паралеляў з польскай літаратурай (творчасць М. Каняніцкай, Т. Канвіцкага, польскіх байкапісцаў і інш.). Удала выкарыстаны міжпрадметныя сувязі з гісторыяй Беларусі ад старажытнасці да сучаснасці (у т.л. і пра сталінскія рэпрэсіі на Беларусі, жахі ваеннага часу на Беласточчыне), змешчаны выявы гарадскіх гербаў, фатаграфіі архітэктурных помнікаў. У падручніку шмат этнаграфічных звестак пра звычаі, святы, адзенне беларусаў. Заданні да тэкстаў маюць значную культуралагічную аснову (азнаямленне з творчасцю беларускай рок-групы “Бонда”, беластоцкіх мастакоў-беларусаў, з рэцэнзій на беларускі кінафільм “Хэп энд”, падбор песень пра Беларусь і пра Беласточчыну і г.д.). Тэндэнцыя да паглыблення культуралагічнага кантэксту ў выкладанні літаратуры увогуле дамінуе ў школах Польшчы, і падручнік Н. Панасюк – адна з удалых спроб у гэтым накірунку.

На жаль, падручнік Н. Панасюк “Беларуская скарбонка” кепска ілюстраваны: зрокавая нагляднасць пададзена ў чорна-белым варыянце, што стварае змрочны каларыт. У такім параўнанні значна выйграе падручнік Т. Ясінскай-Сохі “Сябрынка”, поўны яркіх каляровых ілюстрацый і рэпрадукцый.

Падручнік Н. Панасюк – прыклад нацыянальна арыентаванай, метадычна прадуманай кнігі, якая дае магчымасць вучыць, развіваць і выхоўваць асобу сродкамі мастацкай літаратуры.

Тамара ТРОФИМОВИЧ

Мінск

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ И ПРОБЛЕМА ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРОИЗВОДНОГО НАИМЕНОВАНИЯ

Современные традиционные представления об имени собственном как о наименовании индивидуального объекта и единице, не связанной непосредственно с понятием (А.В. Суперанская), исключают в принципе его рассмотрение в качестве производной номинации, имеющей свою ономасиологическую структуру (ОСПН). Пока точно неясно,

есть ли у имени собственного значение и каков его объем. Если признать, что оно есть и в нем присутствует паритет денотативного и сигнификативного компонентов, то оним может быть при определенных условиях подвергнут полноценному ономасиологическому анализу, как и апеллятивное имя (производное наименование).

Такой анализ корректно осуществим только с пониманием того, что онимы генетически и функционально вторичны по сравнению с именами нарицательными (В.Д. Бондалетов). Характер многих имен собственных позволяет связать их с апеллятивами, подвергшимися оптимизации и не всегда сохранившимися среди апеллятивов в последующем. Тогда возможно с определенными оговорками устанавливать и анализировать ономасиологическую структуру онима, подразумевая, что она является проекцией ономасиологической структуры имени нарицательного. Следовательно, имена собственные могут быть включены в общую типологию предметных наименований, построенную в нашем случае на основе характера ономасиологического признака (ОП) с привлечением языка старорусской деловой письменности. Процедура структурирования ОП при таком подходе тоже оказывается осуществимой: выделяется обобщенный, конкретизированный и частный ОП. Таким образом, $ОП = ООП + КОП + ЧОП$, а $ОСПН = ОП + ОБ$ (ономасиологический базис).

Памятники старорусской деловой письменности содержат богатый материал для наблюдений над топонимами, а также фамилиями, представляющими собой онимизированные притяжательные прилагательные. Дело в том, что назначение, а следовательно, и формуляр многих документов подразумевали использование фамилий и топонимов. Например, во вкладных книг монастырей обязательно по фамилии и имени называли того, кто делал вклад, часто указывали фамилии и имена не только тех, кто получал наследство, осуществлял сделки, но и тех, кто письменно фиксировал эти акты. Перечислялись пожалованные или переданные деревни, села, земли и т.п. Приведем лишь один пример. Вот как начинается Жалованная данная грамота великого князя Василия III 1523 года: *Се яз, князь великий Василий Иванович вся Русии пожаловал есми Ивана и Юрья Андреевых детей Тихменевых за службу их и службу их отца за литовскую в Костромском уезде село Кунетино на реке Васе, пустошь Душкино, деревня Малое Третишино, пустошь Лыково Дубовое, пустошь Волково...* ПРП, IV, 106. Из этого примера видно, как насыщены именами собственными, особенно топонимами и антропонимами, тексты старорусских деловых памятников

Проведенное нами исследование показывает, что имена собственные представлены в локативном и посессивном типе предметных наименований. Это значит, что определенная часть онимов возникла с опорой на

признак по месту и принадлежности. В ономасиологической структуре названий мест локативного типа ОП *место расположения по отношению к другим местам или объектам* в номинативном суждении был эксплицирован предложно-падежными сочетаниями типа *за полем, при селе* и т.п. Отсюда апеллятивы *заболотье, заборье, заволочье, заворотье, завражье, загородье* и под.; *полесье, поречье* и под. (всего около 200 дериватов). Они переживали процесс очимизации. Так, например, в памятниках деловой письменности находим названия сел, деревень, пустошей: *Заболотье, Заречье, Залесье, Залужье, Заполье, Заполица, Задорье, Задонье, Завражье, Загорье, Запрудье* и под., а также конверсивные *Заборное, Завражное, Загорочное, Задорожное* и под. Те же способы возникновения топонимов реализованы в наименованиях типа *Нагорье, Нагорное, Напольское* или *Подболотная, Подбережская, Подборное* и др. Среди 406 современных названий деревень Полоцкого района Витебской области (данные наши) встречаются интересующие нас *Заполье, Загатье, Заозерье, Замошье, Заболотье, Залесье, Заполье, Надвинье, Надозерье, Подвинье, Подозерное, Надозерное*. Самими жителями объясняются как локальные дериваты *Залехи, Заволынка, Заситница*. Осознание носителями языка производности топонимов, т.е. возможность объяснить, почему деревня, например, так называется, свидетельствуют в пользу производности наименования.

Ономасиологическая структура наименований с *-иц-* соответствует схеме: *место* (ООП) *бывшего расположения* (КОП) *чего-либо* (ЧОП). Установлено, что дериваты с суффиксом *-иц-* активно использовались в старорусском языке, а также в русских и белорусских говорах для наименования убранных полей. Этот суффикс, восходящий к праславянскому **-ьsk-* со значением отношения и неиндивидуальной принадлежности, расширялся справа суффиксом *-j-* с аналогичным значением, а слева распространялся гласным производящей основы (Ю.С. Азарх). Вероятно, в процессах номинативной деривации *-иц-* образовывал слова, называвшие места бывшего расположения чего-либо, что оставляло следы своего пребывания. Это суждение одинаково верно как для наименований типа русск. *капустище, овсянище*, белорусск. *ілянішча, іржанішча*, так и для универбов типа *дворище, городище*. Уникальным по своей ономасиологической структуре является универб *местище*, называвший место, участок земли, на котором раньше находилось поселение, хозяйственные или другие постройки (СлРЯ, 4,180). Зафиксированные в памятниках деловой письменности топонимы типа *Криничище, Мельничище, Овинчище, Погостище, Ретище* (АСЭИ 1) подтверждают продуктивность наименований такого типа.

По модели локального типа наименований возникали и фамилии людей. По месту жительства получили свои фамилии зафиксированные нами *Заболотский, Заречный, Залесский, Заборовский, Забродов, Замятский, Запольский, Задорожный, Запрудный, Напольский, Подлесский, Подгоренский, Подгорный, Погоренский* и многие другие.

К посессивному типу предметных наименований примыкает подавляющее большинство фамилий, представляющих собой минимизированные притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов-ев-, -ин-*: *Абрамов, Авдеев, Алексеев, Афанасьев, Васильев, Патрикеев, Радионов, Юрьев, Степанов, Трофимов* и многие другие; *Кузьмин, Ермолин, Ильин, Никитин, Мишин* и многие другие. Такие фамилии могли образовываться от канонических христианских имен (*Алексей, Авдей, Василий* и т.п.) а также от прозвищ: *Воронин, Дубровин, Воронцов*, и т.п. Продуктивным способом возникновения фамилий был и такой, когда посессором выступал человек, названный по роду своих занятий, профессии, по званию, по характеру родственных отношений. Естественно, такие наименования могли становиться прозвищами или не становиться ими, но функционально совпадать с таковыми. Так проявлялись посессивные патронимические образования *Княжнин, Дохтуров Бабин, Дядин, Банников, Дяков, Изумнов, Дворников, Кожесников, Калачников, Казаков, Лекорев, Мукосеин, Мельников, Обчинников, Поварнин, Хлебников* и др. К спорадическим для старорусского языка моделям посессивного типа следует отнести фамилии полоцких мешан, упомянутых в Таможенных книгах Великих Лук: *Люткович, Крадеченок*.

Обращение к топонимам, точнее, к микротопонимам, показывает сплочительную продуктивность среди имен собственных сел, деревней, пустошей, земель и т.п. наименований, соотносимых с притяжательными прилагательными среднего рода: *Абрамцево, Алесейцево, Борисово, Евдокимово, Григорово, Давыдково, Демидково, Емельянцево, Павлово, Максимово, Мартыново, Митино, Билибино* и многие другие. Они тоже могли возникать на основе канонических имен или на основе других, неономастических наименований: *Кузнецово, Конюхово, Попадьино, Княгинино, Ведерниково* и многие другие. Принадлежность могла выражаться и в таких названиях, которые обнаружены нами в АСЭИ 1: *Митрополиче, Архимандриче, Княже, Девичье* и др. Исследователями отмечено, что в условиях патrimonного, а позже помещичьего землевладения при определении названия селения большую роль играла его принадлежность, вследствие чего название образовывалось от имени, прозвища, фамилии владельца. Высокая степень антропонимичности особенно характерна для

ойконимов, этим они отличаются от других топонимов (Е.М. Поспелов, В.П. Лемтюгова).

Отдельно следует оговорить способ возникновения имен собственных, соотносимых с атрибутами. Очевидно, что их можно расценивать как результаты семантической конденсации в процессе номинативной деривации. Неоднословные наименования субстантивно-атрибутивного типа сворачивались, ономаσιологический базис, эксплицированный субстантивом, редуцировался при этом до нуля. Схема появления таких единиц может быть представлена так: *Абрамов сын* > *Абрамов, Княгинино село* > *Княгинино, Залесский житель* > *Залесский* и т.п.

Что касается других ономаσιологических признаков, кроме локативного и посессивного, то они реализованы в привлеченных к анализу именах собственных спорадически. Так, например, нумерально-темпоральный признак усматривается в фамилиях типа *Третьяк, Четвертак* и под. При этом есть основания считать, что в них проявлен не наиболее свойственный старорусскому периоду смысл апеллативов (*третьяк, четвертак* – *животное на третьем, четвертом году жизни*), а другой (*третий, четвертый ребенок в семье*). Если представить, что приведенные имена нарицательные становились прозвищами и от них образовывались в результате семантической конденсации фамилии типа *Третьяков, Четвертаков*, то нумерально-темпоральный признак сменялся в процессе возникновения онима посессивным.

Мы осознаем, что тотальное привлечение ономастического языкового материала к проводимому нами исследованию невозможно и нецелесообразно. Уместным оно нам кажется в тех случаях, когда в имени собственном отражены общие с именами нарицательными номинативные механизмы и деривационные связи, которые могут быть при синхронно-диахроническом подходе истолкованы как живых. В этом смысле особенно существенным является, на наш взгляд, подтверждение в именах собственных концептуальной значимости тех или иных признаков, привлекаемых в именование в системе апеллативов. Ведь присвоение собственного имени – особый вид деятельности языковой личности, продиктованный общественной необходимостью различить однородные объекты, а различить их можно только обратив внимание на их реальные признаки или условившись об их наличии. Так, например, называя определенное место в лесу *Осечище*, человек подразумевал, что когда-то там был *осек (рубленая изгородь)*, в то время как фамилия (прозвище) *Грязной* предполагала своего рода частное восприятие возможных качеств человека.

Предлагаемое нами структурирование ОП при онимизации корректируется в том случае, если имя собственное деривационно связано с единицей такого же статуса. В выстроенной нами цепочке ОП=ООП+КОП+ЧОП выпадает звено КОП: обобщенный ономаσιологический признак конкретизации в указанных случаях не подлежит.

Таким образом, предпринятые нами попытки системного описания старорусских предметных наименований показали возможность и правомерность включения с определенными оговорками в их состав части имен собственных. Пережитые ими процессы онимизации не всегда приводили к забвению ономаσιологической структуры производящих апеллятивов, что позволяет установить положенный в основу именования признак, структурировать его, строить на этой основе типологию предметных наименований, включая в нее универбы, онимы и бивербы.

Людмила ШЕВЦОВА

Вятебск

СОПОСТАВЛЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССАХ

Преподавание литературы в филологических классах или по-иному в классах с углубленным изучением литературы является важнейшим составляющим звеном всей системы гуманитарного образования, главная цель которого состоит в приобщении учащихся к ценностям духовной культуры, формировании гуманистического мировоззрения, развитии способности к художественному познанию и творческой деятельности.

С целью развития диалогического мышления, гуманитарной культуры личности старшеклассника целесообразно использовать приемы проецирующего характера и анализ лирических произведений выстраивать таким образом, чтобы он позволял учащимся проводить аналогии, сопоставлять, использовать ассоциативные значения слова, обращаясь к фактам истории, к философской мысли, другим литературным эпохам и видам искусства. Эти приемы подсказаны спецификой самого поэтического процесса русского порубежья, где литературное цитирование, художественная интерпретация ушедших эпох стали художественными приемами.

Важнейшим средством создания зыбкости словесного значения в практике символистов и их «наследников» стало интенсивное исполь-